

СУДЕБНОЕ ДОКАЗЫВАНИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ СУБЪЕКТИВНОЙ ДОБРОСОВЕСТНОСТИ

В.Г. ГОЛУБЦОВ,

доктор юридических наук, заведующий кафедрой предпринимательского права,
гражданского и арбитражного процесса Пермского государственного
национального исследовательского университета,
судья Семнадцатого арбитражного апелляционного суда

<https://doi.org/10.24031/2226-0781-2020-10-5-83-100>

В данном исследовании автор обращается к практике правоприменения норм о субъективной добросовестности. Субъективная добросовестность для целей настоящей статьи рассматривается как специальная конструкция, отражающая обстоятельства извинительного незнания в структуре объективной добросовестности. С точки зрения автора, факты извинительного незнания надлежит отличать от ситуаций простого незнания, которые не нуждаются в правовой оценке суда и, в отличие от ситуаций извинительного незнания, включаются в предусмотренное законом должностное поведение. В данном исследовании сгруппированы названные законодателем случаи субъективной добросовестности и проанализировано их применение как не связанных с вмененным знанием. Помимо вышеупомянутого в статье исследуется практика судов в отношении получения, исследования и оценки доказательств субъективной невозможности узнавания фактов неосведомленным лицом, действовавшим без реального учета этих обстоятельств. В завершение исследования автором формулируются предложения по изменению судебной практики с целью учета достижений отечественной цивилистики и устранения проблем, вызванных игнорированием субъективной добросовестности по отдельным категориям судебных дел.

Ключевые слова: добросовестность; субъективная добросовестность; извинительная неосведомленность; бремя доказывания; презумпция добросовестности.

JUDICIAL EVIDENCE OF SUBJECTIVE INTEGRITY

V.G. GOLUBTSOV,

Doctor of Legal Sciences, Head of the Department of Business Law,
Civil and Arbitration Procedure, Perm State University,
Judge, Seventeenth Arbitration Court of Appeal

The author refers to the practice of enforcing the rules of subjective integrity. Subjective integrity is seen as a special construct reflecting the circumstances of apologetic ignorance in the structure of objective integrity. According to the author, the facts of apologetic ignorance should be distinguished from situations of simple ignorance, which do not need to be legally assessed by the court, and unlike situations of apologetic ignorance, are included in the debt provided for by law. The article groups the cases of subjective integrity mentioned by the legislator and analyses their application as unrelated to imputed knowledge. The practice of the courts with regard to obtaining, examining and evaluating evidence of subjective impossibility to recognize facts by an unknown person acting without real consideration of these circumstances is investigated. Proposals are made to change judicial practice in order to take into account the achievements of domestic civilistics and to eliminate problems caused by disregard of subjective integrity in certain categories of court cases.

Keywords: integrity; subjective integrity; apologetic ignorance; burden of proof; presumption of integrity.

1. Введение

Одним из принципиальных результатов последней по времени реформы гражданского законодательства принято считать приход в него добросовестности «в широком формате»¹. Смысл реформы в этой части состоял в переходе от «остаточного», «восполнительного» характера добросовестности, применявшейся для целей аналогии права и закона или в нормах, адресованных конкретным субъектам (п. 3 ст. 53 ГК РФ). Впервые российский законодатель сконструировал стандарт добросовестного поведения лиц, в котором нуждается любой гражданский оборот.

Благодаря многочисленной литературе по теме добросовестности эту проблему можно однозначно отнести к числу широкообсуждаемых. Неизбежные трудности, которые сопровождают внедрение новых правил о добросовестности в гражданский процесс и судебную практику, еще не один год будут обсуждаться в доктрине.

¹ Нам К.В. Принцип добросовестности: развитие, система, проблемы теории и практики. М.: Статут, 2019.

Обращался к ним и автор настоящей статьи, отмечая многопредметность явления добросовестности и указывая, что судебная практика должна претерпеть значительные изменения в оценке упомянутых норм и сведений о сопутствующих фактах. Все это сегодня надлежит уравнивать не только необходимым критерием единообразия судебной практики, но и требованиями принципа добросовестности¹. Настоящее исследование посвящено тем юридическим инструментам, которые должны использоваться правоприменителем при использовании таких юридических конструкций, как «не знал и не мог знать», «не знал и не должен был знать». Не столь заметная и ранее применявшаяся лишь при рассмотрении споров о добросовестном приобретении вещных прав (ст. 234 и 302 ГК РФ), эта конструкция стала все чаще привлекать пристальное внимание ученых-теоретиков, поскольку практическое ее значение стало значительно выше. При исследовании этого вопроса на современном этапе необходимо признать, что ранее эти конструкции исследовались лишь в связи с вещно-правовыми спорами. Вопрос о том, как относиться судам к упомянутым категориям при рассмотрении других категорий споров, ни законодатель, ни акты обобщения судебной практики не раскрывают. Вероятно, судебные инстанции исходили из того, что действующая практика правоприменения имеет достаточное количество конкретных дел, в рамках которых стандарт доказывания по подобным делам можно признать вполне определенным². Однако добросовестность в ее субъективном значении еще только начала оцениваться и применяться при рассмотрении конкретных дел, в частности по спорам об отмене доверенности, о свойствах вещи, принимаемой на хранение, о залоге вещи, переданной по договору доверительного управления, об открытии наследства.

Необходимо, на наш взгляд, восполнить недостаточность доктринальных разработок по проблеме субъективной добросовестности в первую очередь в процессуальной сфере. Как представляется, эти разработки не только окажутся востребованными практикой правоприменения, но и станут актуальными в теоретическом аспекте в силу целого ряда причин.

Во-первых, речь идет об использовании термина «добросовестность» в его специальном значении – в значении субъективной добросовестности, которую следует понимать через извинительную неосведомленность о субъективных правах другого лица или о фактах, знание о которых побудило бы его воздержаться от приобретения соответствующих субъективных прав вообще или приобрести их на других условиях.

¹ Голубцов В.Г. Субъективная добросовестность в структуре общего понятия добросовестности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. Вып. 45. С. 490–518.

² См.: Александров А.А. Судебное доказывание: справочник по гражданскому процессу // <http://www.ptilaw.ru/public/35/8>; Справочник по доказыванию в гражданском судопроизводстве / под ред. И.В. Решетниковой. 5-е изд., доп. и перераб. М.: НОРМА; ИНФРА-М, 2011; Доказательства и доказывание в судебном процессе: судебная практика / сост. Л.В. Тихомирова. 2 изд., доп. и перераб. М.: Изд. Тихомирова М.Ю., 2013.

Во-вторых, само понятие «извинительное незнание», которое в законодательстве закреплено нормативным оборотом «не знал и не мог знать», не слишком часто именно так звучит в судебной практике. Достаточно шире для обозначения «извинительного незнания» используется наречие «недобросовестно» или прилагательное «добросовестный»/«недобросовестный», и относится оно, таким образом, к оценочным понятиям, границы правоприменительного употребления которых связаны с категорией судебного усмотрения.

Конструкция «не знал и не должен был знать» практически неизвестна судебной практике в ее собственном смысле, раскрываемом через извинительную неосведомленность. Смысл конструкции «не знал и не должен был знать», как правило, уясняется правоприменителем на фоне таких смежных категорий, как презумпция добросовестности, принцип добросовестности, позитивная обязанность действовать добросовестно, а также и на фоне более дальних (риски, уважительные причины, виновное/безвиновное поведение).

Если говорить о доктрине, то авторские обращения к анализу правоприменения конструкции субъективной добросовестности в судопроизводстве пока ограничены лишь случаями обращения к нормам, отсылающим к ней, но не обстоятельствами ее доказывания применительно к отдельным категориям дел.

Отсюда и вытекает актуальная необходимость определиться с содержательным восприятием судебной практикой оборота «не знал и не должен был знать» и сформулировать хотя бы теоретическую модель ее правоприменительной универсальности, вне зависимости от того, идет ли речь о защите факта владения, об ответственности сторон по договору, о незнании какого-либо обстоятельства при заключении договора или о восстановлении в правах.

2. Специальное значение субъективной добросовестности по нормам материального права

В семантическом смысле субъективная добросовестность отделена от объективной добросовестности. Говоря о добросовестности субъективной, более 100 лет назад дореволюционный и советский цивилист И.Б. Новицкий определял это явление как «определенное сознание того или иного лица, как неведение некоторых обстоятельств, с наличием которого закон считает возможным связать те или иные юридические последствия»¹. Связывая вычленение субъективной добросовестности с «юридическими тонкостями добросовестности», автор ориентировался на общеизвестное латинское изречение о том, что «незнание факта извиняет, незнание права (ни в коем случае) (никого) не извиняет» (*ignorantia facti excusat, ignorantia juris (haud) non excusat (neminem excusat)*);

¹ Новицкий И.Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права // Вестник гражданского права. 2006. № 1 (СПС «КонсультантПлюс»).

«незнание того, что лицо должно было знать, не извиняет» (*ignorantia eorum quae scire tenetur non excusat*)¹.

Отсутствие общих норм о добросовестности в советском и постсоветском законодательстве до 2012 г. не позволяло говорить о состояниях субъективной добросовестности для целей правоприменения в их специальном значении, как и о необходимости разграничения извинительного незнания с ситуациями простого незнания, выраженными с помощью сочетаний «не знал», «заведомо не зная», «не были заранее известны», «не стало известно», «не был уведомлен». Сегодня эта необходимость стала острой, в том числе и для судебной практики с ее задачами противодействия недобросовестному поведению.

В этом направлении правоприменитель сделал весьма существенный шаг, приняв постановление Пленума ВС РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее – Постановление № 25)², указав на добросовестность как на «любые активные действия лица, направленные на получение выгоды от своего положения, которые при этом не влекут за собой нарушение требований законодательства, но причиняют тем самым вред контрагенту». Однако, несмотря на то, что этот пункт «вдохнул новую жизнь в существовавшую в последние годы тенденцию мотивировки судебных решений с учетом добросовестности сторон»³, цивилистическая природа добросовестности с ее многообразными предметными функциями в Постановлении № 25 учтена не была. На момент его принятия высшая судебная инстанция не смогла учесть того, что доктрина различала разные ситуации, в которых законодатель говорит о добросовестности с выходом на добросовестность субъективную⁴.

В вопросах субъективной добросовестности правоприменитель исходил из того, что поведение одной из сторон может быть признано недобросовестным не только при наличии обоснованного заявления другой стороны, но и по инициативе суда в том случае, если очевидна недобросовестность поведения участника оборота. В этом случае суд при рассмотрении дела выносит на обсуждение обстоя-

¹ Латинские юридические изречения / сост. Е.И. Темнов. М.: Право и закон; Экзамен, 2003. С. 185.

² Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.

³ Берлин А.Я. Критерий добросовестности в судебной практике в свете п. 1 постановления № 25 // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2016. № 1. С. 55.

⁴ См.: Супрун В.В. О понятии неинформированности в гражданском праве // Северо-Кавказский юридический вестник. 2009. № 3. С. 62–65; Рыженков А.Я. Принцип добросовестности в обновленном гражданском законодательстве // Пробелы в российском законодательстве. 2013. № 3. С. 68–71; Сулейменов М.К. Добросовестность в гражданском праве: проблемы теории и практики // Добросовестность в гражданском праве: материалы Междунар. науч.-практ. конф. в рамках ежегод. цивилистических чтений, посвящен. 20-летию Гражданского кодекса Республики Казахстан (Алматы, 22–23 мая 2014 г.) / отв. ред. М.К. Сулейменов. Алматы, 2014. С. 10–25; Трунин А.А. Добросовестность как предположение (на примере толкования договора) // Правоведение. 2015. № 4. С. 109–110.

тельства, явно свидетельствующие о таком поведении, даже в том случае, если ссылки сторон на эти обстоятельства отсутствуют (ст. 56 ГПК РФ, ст. 65 АПК РФ).

При этом очевидно, что высшие судебные инстанции, давая упомянутые разъяснения, не вышли в вопросах извинительного незнания за пределы ранее определенной группы правоотношений, в рамках которых использовались упомянутые категории (вещное право и достоверность реестров ЕГРЮЛ). Как минимум не учтено было императивное и, как думается, прогрессивное законодательное установление о том, что никто не может извлекать преимущества из своего незаконного или недобросовестного поведения (п. 4 ст. 1 ГК РФ).

Кроме нового обсуждения известной гражданско-правовой проблемы о разграничении добросовестного и незлоупотребительного поведения, «накрывшей современную национальную доктрину, законодательство и судебную практику»¹, обозначилась проблема соотношения принципа добросовестности с презумпцией субъективной добросовестности². Как минимум при принятии Постановления № 25 надлежало сделать оговорку о существовании ее как таковой.

Случаи, при возникновении которых суду необходимо разбираться с субъективными возможностями знания заинтересованного лица о тех или иных фактах, могут быть сгруппированы, и определенная условность этой группировки позволяет увидеть терминологические особенности отдельных норм об извинительном незнании, их место в структуре текста ГК РФ и различия в последствиях последствий извинительного незнания.

В первую группу входит норма п. 1 ст. 234 ГК РФ, согласно которой длительное добросовестное владение чужой вещью является основанием для приобретения права собственности на основании приобретательной давности. Конструкция «не знал и не должен был знать» (об отсутствии у владельца оснований для приобретения права собственности) долгое время существовала, не будучи закрепленной нормативно. Она была привнесена в судебную практику через абз. 3 п. 15 постановления пленумов ВС РФ и ВАС РФ от 29 апреля 2010 г. № 10/22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав»³. В тексте Постановления было указано, что давностное владение является добросовестным, если лицо, получая владение, не знало и не должно было знать об отсутствии основания возникновения у него права собственности. Соответственно, как и при добросовестном приобретении, лицо признается добросовестным, если владелец не знал и не должен был знать о том, что он не является собствен-

¹ Фогельсон Ю.Б. Принцип добросовестности в российской судебной практике // Вестник экономического правосудия РФ. 2017. № 9. С. 104–115.

² Виниченко Ю.В. О презумпции добросовестности в гражданском праве // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2018. Т. 160. Кн. 2. С. 285–300.

³ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. № 7.

ником¹. Уместность данного дополнения была предметом дискуссии, но развития эта дискуссия не получила.

Вторая группа так же состоит из одной нормы (п. 1 ст. 302 ГК РФ), гипотеза которой содержит и термин «добросовестность», и конструкцию «не знал и не мог знать» (о том, что лицо приобретает вещь у лица, не являющегося собственником и не имеющего распорядительной власти над вещью). При условии соблюдения ряда иных условий, это позволяет приобретателю рассчитывать на отказ в удовлетворении заявленного к нему виндикационного иска собственника.

Еще одну (третью) группу образуют нормы, учитывающие такое внутреннее состояние лица, при котором оно не по своей вине оказалось не владеющим реальным или должным знанием о тех или иных фактах, осведомленность о которых позволила бы избежать ущерба или наступления других неблагоприятных. К подобным нормам можно отнести п. 2 ст. 189 ГК о защите наличия полномочий, когда законодатель защищает права контрагента, которому был предъявлен оригинал доверенности, о прекращении которой он не знал и не должен был знать (несмотря на то, что полномочия формально прекратились).

В самостоятельную (четвертую) группу норм надлежит выделить те, в которых формула извинительного незнания позволяет перераспределить риски ответственности по договору (ст. 903, п. 2 ст. 1022 ГК РФ).

В нормах третьей и четвертой групп законодатель не использует напрямую термин «добросовестность», ориентируя по смыслу этих норм на то, что применение этих норм сопряжено с ситуациями реального и должного незнания об определенных фактических обстоятельствах.

К пятой группе норм, содержание которых позволяет говорить о добросовестности в ее субъективном значении, следует отнести п. 1 ст. 1155 ГК РФ, где при этом не употребляется термин «добросовестность». Как показывает анализ многочисленной судебной практики, обращаясь к этой норме, суды нередко уходят в сторону суждений о злоупотреблении истца (пропустившего по незнанию срок) своим правом, об уважительности/неуважительности причин незнания, иногда ищут вину лица, не знавшего и не должного знать об обстоятельствах. Именно в этих делах больше, чем в других, на фоне извинительной неосведомленности истца довлеют стереотипы виновности лица (небрежность, легкомыслие), злоупотребительности, неуважительности причин.

3. Процессуальная тактика и субъективная добросовестность

Смысловое содержание конструкции «не знал и не должен был знать» вполне может быть подвержено формализации с выделением внутри этой законода-

¹ Бевзенко Р.С. Тенденции судебной практики разрешения споров, связанных с первоначальным возникновением права собственности на недвижимое имущество // Закон. 2008. № 3. С. 39.

тельной формулы двух смысловых комбинаций: (1) есть лицо, которое не только не знало, но и не должно было знать о каких-то реально существующих фактах, и (2) оно сумело доказать суду свою неосведомленность о них. В этом случае наряду с добросовестностью субъективной «включается» стандарт объективной добросовестности, так как, признавая неосведомленность лица извинительной, суд обязан признать извинительно неосведомленное лицо добросовестным.

Обстоятельства извинительного незнания могут служить самостоятельным основанием заявленного иска (ст. 39 ГПК РФ) либо составлять основу возражений ответчика по заявленному к нему иску. Вне зависимости от этого заинтересованному лицу в случае возникновения спора надлежит доказать суду свое незнание о фактах.

Общеизвестно, что нормы права, регулирующие процесс доказывания, делятся на общие, имеющие отношение к доказыванию по любому делу, и специальные, регламентирующие специфику доказывания по отдельным категориям дел. Споры, в которых сторона вправе заявить об извинительном незнании, не выделены в ту категорию, где смещается традиционный баланс бремени доказывания. Но по факту они имеют предпосылки к этому.

Так, общие правила судебного доказывания при виндикации вещи обычно укладывается в границы двух обстоятельств: наличие права собственности на истребуемый объект¹ и факт нахождения спорного имущества у ответчика. В тех случаях, когда ответчик заявляет, что он является извинительно не знавшим всех обстоятельств приобретения вещи, становятся востребованными специальные правила доказывания.

Если с иском о виндикации к добросовестному приобретателю выходит собственник, то, кроме того, что его имущество выбыло из его владения против его воли, он должен доказать недобросовестность приобретателя, защищающего свои права с помощью извинительного незнания. Заявление приобретателя о том, что он «не знал и не мог знать» о том, что есть порок титула, обязывает собственника опровергнуть эти обстоятельства извинительного незнания, на которые он ссылается.

Защищая свои права добросовестного приобретателя, ответчик должен доказать (1) факт возмездного приобретения спорного имущества у лица, которое не имело права его отчуждать, и (2) те фактические обстоятельства, из которых следует, что он не знал и не мог знать о наличии каких-либо юридических препятствий. Презумпция добросовестности приобретения здесь не является ключевой. Основу спора здесь составляют бремя доказывания неосведомленности одной стороны и опровержение этой неосведомленности другой стороной.

Если же с иском выходит приобретатель, требуя признания права собственности за ним, то он обязан доказывать факт возмездного приобретения имущества и тот факт, что, приобретая имущество, он не знал, а также не мог знать, что вещь

¹ См. подробнее: *Валеев Д.Х.* Система процессуальных гарантий прав граждан и организаций в исполнительном производстве: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Екатеринбург, 2009.

ему продал тот, кто не имел права на ее отчуждение, т.е. был разумно осмотрителен и осторожен при оценке всех фактических обстоятельств совершения сделки. В случае установления обратного суд может признать поведение приобретателя недобросовестным, поскольку он не совершил разумных и общепринятых действий, которые при сравнимых условиях предпринимают участники гражданского оборота для подтверждения своих прав (не обратил внимание на многократные сделки с этим объектом, не распознал третьих лиц, имеющих право пользования этим объектом, и т.д.).

Технико-юридический прием «не знал и не мог знать», заключенный в ст. 302 ГК РФ, имеет целью ограничение случаев истребования вещи от добросовестного приобретателя. Приобретатель вещи по этой норме получает защиту от притязаний собственника на данную вещь, если он не знал и не должен был знать, что приобретает вещь от неуправомоченного отчуждателя. Лицо должно действовать осмотрительно и осторожно, впоследствии не заявляя, а доказывая суду, что именно так оно и действовало. Собственник, притязающий на истребование вещи, в свою очередь обязан этот факт опровергнуть со ссылкой на то, что конструкция «мог знать» означает лишь то, что лицо могло бы узнать, если бы проявило разумную (т.е. обычную) степень осмотрительности.

Как отмечают авторы одного из комментариев к ГК РФ, «не мог знать» означает, что отсутствие такой информации не является следствием порока поведения приобретателя, когда по небрежности, беспечности или умышленно игнорируются объективные данные, свидетельствующие об отсутствии правомочий отчуждателя, иных обстоятельствах, позволяющих усомниться в правомерности его поведения¹.

Несмотря на то что в практике правоприменения по таким спорам не все и не всегда было однозначным², а стандарт доказывания из-за разных оценок степени осмотрительности приобретателя является «плавающим», судебная практика все же обрела относительную устойчивость в вопросах применения конструкции «не знал и не мог знать». Ее современный исход можно выразить кратко: «добросовестному приобретателю, не знавшему о пороках, должна быть предоставлена защита».

Есть основания утверждать, что устойчивые правовые позиции по таким видам споров сформированы. Во всяком случае вопрос о правильной квалификации основания заявленных исков и о распределении бремени доказывания не вызывает фактических затруднений, даже несмотря на то, что идея существо-

¹ Научно-практический комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой (постатейный) / под ред. В.П. Мозолина, М.Н. Малеиной. М.: НОРМА, 2004 (СПС «Консультант-Плюс»).

² Важным моментом для практики является отмена п. 38 постановления пленумов ВС РФ и ВАС РФ № 10/22, в котором была выражена идея о том, что доказывать свою добросовестность должен ответчик по виндикации. Далее ВС РФ в Обзоре судебной практики по делам, связанным с истребованием жилых помещений от добросовестных приобретателей, по искам государственных органов и органов местного самоуправления (утв. Президиумом ВС РФ 1 октября 2014 г.) выразил идею о существовании презумпции добросовестности приобретателя.

вания презумпции добросовестности приобретателя и была выражена в одном из обзоров судебной практики по делам, связанным с истребованием жилых помещений от добросовестных приобретателей, по искам государственных органов и органов местного самоуправления¹.

Как правильно отметил А.М. Ширвиндт, характеризуя исследуемые нормы, обращение к институту добросовестности в них – это «инструмент смягчения формализма закона, ограничения общих абстрактных правил, которые установлены для типизированных отношений и которые иногда не срабатывают в конкретной ситуации. Иными словами, здесь мы смотрим на добросовестность как на гибкий механизм, к которому может прибегнуть правоприменитель, когда та правовая цель, ради которой установлены общие правила, не достигается, применение нормы самой по себе может привести к неправомерному результату, нежелательному с точки зрения правовой системы, и добросовестность выступит тогда ориентиром для толкования закона»².

С 1 января 2020 г. вступает в действие норма, согласно которой приобретатель недвижимого имущества, полагавшийся при его приобретении на данные государственного реестра, признается добросовестным (ст. 234 и 302 ГК РФ), пока в судебном порядке не доказано, что он знал и должен был знать об отсутствии права на отчуждение этого имущества у лица, от которого ему перешли права на него³. Тем самым по спорам о виндикации недвижимого имущества устанавливается презумпция достоверности публичных реестров путем дополнения п. 6 ст. 8.1 ГК РФ нормой о том, что лицо, указанное в государственном реестре в качестве правообладателя, признается таковым, пока в установленном законом порядке в реестр не внесена запись об ином. При возникновении спора в отношении зарегистрированного права лицо, которое знало или должно было знать о недостоверности данных государственного реестра, не вправе ссылаться на соответствующие данные. Для приобретателя это означает, что он должен иметь доказательства того, что к публичному реестру обращался и на момент обращения из него не следовало, что отчуждатель не имел права на недвижимость.

Таким образом, если в практике разбирательства вещных споров сложилась относительная определенность, пусть и с незначительными колебаниями из-за разных оценок судом субъективных возможностей приобретателя вещи в части осведомленности, то совсем иная ситуация имеет место с оборотом «не знал и не

¹ Обзор судебной практики по делам, связанным с истребованием жилых помещений от добросовестных приобретателей, по искам государственных органов и органов местного самоуправления (утв. Президиумом ВС РФ 1 октября 2014 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

² Ширвиндт А.М. Принцип добросовестности в ГК РФ и сравнительное правоведение // *Aegumnis ius*. От друзей и коллег к 50-летию профессора Д.В. Дождева / отв. ред. А.М. Ширвиндт. М.: Статут, 2014. С. 242.

³ Федеральный закон от 16 декабря 2019 г. № 430-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

должен был знать», заключенным в нормы других групп (подп. 2 п. 1 ст. 352, абз. 2 п. 1 ст. 901, ст. 903, п. 2 ст. 1019, п. 2 ст. 1022, п. 1 ст. 1155 ГК РФ). Здесь судебная практика не столь однонаправленна.

Если говорить о субъективной добросовестности, закрепленной в ст. 903, п. 2 ст. 1022 ГК РФ через оборот «не знал и не должен был знать», то следует исходить из того, что это нормы сугубо охранительной направленности. В одном случае речь идет о защите прав неосведомленного хранителя, ответственность которого исключена, если он докажет, что не знал и не должен был знать об опасных свойствах поклажи, во втором – о правах третьих лиц, попавших в ситуацию извинительного незнания и имеющих право взыскать с доверительного управляющего убытки, ставшие следствием такого незнания. Принадлежность этих норм к договорным нарушениям затрудняет возможность увидеть в них «чистые» ситуации извинительного незнания, при которых неосведомленное лицо, доказавшее свое извинительное незнание, освобождается от ответственности по обязательству. В этом одна из причин того, что в литературе такие ситуации не причисляются к извинительному незнанию, а относятся к случаям «распределения рисков по договору»¹.

Между тем, учитывая наличие в этих нормах формул извинительного незнания, хранитель и третьи лица, защищающие свои права, вправе поставить вопрос о своей добросовестности. Это качество поведения субъекта права там и нужно, где вопрос о виновности ставить неуместно в силу того, что выяснять в ситуации добросовестного незнания нечего. Но близость добросовестности к недобросовестности, вовлекающей в действие презумпцию вины, не исключает того подхода, при котором суды в ситуациях оговоренной законом извинительной неосведомленности будут исследовать вопросы о вине в ситуациях извинительного незнания, что, конечно, противоречит и логике, и смыслу закона.

Если лицо (хранитель, третьи лица) докажет, что оно действовало в обстоятельствах извинительного незнания, т.е. «не знало и не должно было знать» (о свойствах вещи, сданной на хранение, об отсутствии у доверительного управляющего полномочий), то его действия будут признаны судом добросовестными. Однако должный характер незнания может быть установлен только в тех случаях, когда знание о конкретных обстоятельствах (фактах) действительно не должно было иметь места.

Что же касается правила п. 2 ст. 1019 ГК РФ о незнании доверительного управляющего о том, что имущество находится в залоге, то стандарт доказывания здесь выстраивается однотипно с правилами, ориентированными на истребование вещи от добросовестного приобретателя. Специальные правила о доказывании вступают в силу с того момента, как доверительный управляющий заявит о своей извинительной неосведомленности. В этом случае он обязан предста-

¹ Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части второй: в 3 т. Т. 3 / под ред. П.В. Крашенинникова. М.: Статут, 2011. С. 106.

вить суду доказательства своей неосведомленности в форме тех фактов, которые свидетельствуют о том, что учредитель управления не выполнил вмененную ему законом обязанность предупредить о залоге предмета договора, что сам он действовал разумно и осмотрительно, обращаясь к информации реестров. Учредителю управления в свою очередь надлежит опровергнуть заявление управляющего о незнании. При невозможности доказывания этих фактов суду учредитель управления может быть признан недобросовестным, что дает доверительному управляющему право потребовать в суде расторжения договора и уплаты причитающегося ему по договору вознаграждения за один год.

Иной, думается, является практика применения п. 1 ст. 1155 ГК РФ, где довлеет такое отношение к обороту «не знал и не должен был знать», которое позволяет смешивать его с «другими» уважительными причинами, послужившими основанием для пропуска шестимесячного срока на принятие наследства. Как следствие, суды имеют в своем распоряжении по сути неограниченную дискрецию в вопросах оценки: суд может «не видеть» этого оборота, может оценить его наряду с другими уважительными/неуважительными причинами, может оценить факт незнания одного лица в сравнении с виновностью/невиновностью другого и т.п. Нет никаких сомнений в том, что существующий подход судов к оценке извинительного незнания в рамках п. 1 ст. 1155 ГК РФ нуждается в отдельном теоретическом внимании. Имея в своем основании архаичное начало, идущее от неверного прочтения законодательного текста, содержащего конструкцию извинительного незнания, этот подход нуждается в серьезной корректировке, так как не несет в себе ни законодательной, ни теоретической, ни практической чистоты.

Справедливости ради отметим, что не только судам, но и пользователям оказался не слишком заметным юридико-технический прием, заключенный в оборот «не знал и не должен был знать». Анализ значительного числа судебных дел, основание иска в которых составили ситуации извинительного незнания (об открытии наследства), показывает, что истцы относят фактические обстоятельства незнания к числу уважительных причин, не ссылаясь на то, что «не знали и не должны были знать», несмотря на то, что фактические обстоятельства свидетельствуют именно об этом.

Справедливости ради, однако, отметим, что в случаях, когда истец ссылался на обстоятельства извинительного незнания и пытался обосновать эти обстоятельства, суды также часто не замечают формулу «не знал и не должен был знать» (см. определение ВС РФ от 6 ноября 2019 г. по делу № 73-КФ 19270).

Можно обозначить также некоторое несовершенство судебной практики в отношении проблематики субъективной добросовестности, которое присутствует при применении п. 1 ст. 1155 ГК РФ.

Нормативная схема п. 1 ст. 1155 ГК РФ, содержащего формулу «не знал и не должен был знать», не выглядит простой, в отличие, например, от аналогичной нормы ГК Беларусь, где в п. 1 ст. 1072 «Принятие наследства по истечении установленного срока» закреплено, что «по заявлению наследника, пропустившего срок для принятия наследства, суд может признать его принявшим наследство,

если найдет причины пропуска срока уважительными, в частности, если установит, что этот срок был пропущен потому, что наследник не знал и не должен был знать об открытии наследства, и при условии, что наследник, пропустивший срок для принятия наследства, обратился в суд в течение шести месяцев после того, как причины пропуска этого срока отпали»¹. Иную, более «облегченную» редакцию имеет ст. 1072-3 «Принятие наследства по истечении установленного срока» ГК Республики Казахстан, вообще избежавшей конструкции «не знал и не должен был знать». Норма устанавливает, что «по заявлению наследника, пропустившего срок, установленный для принятия наследства, суд может восстановить этот срок и признать наследника принявшим наследство, если наследник пропустил этот срок по уважительным причинам и при условии, что наследник, пропустивший срок, установленный для принятия наследства, обратился в суд в течение шести месяцев после того, как причины пропуска этого срока отпали»².

Очевидны смысловые различия между нормой Республики Беларусь и нормой ГК Республики Казахстан. В первом случае Кодекс заключил в нормативный текст обстоятельства извинительного незнания, во втором Кодексе такие обстоятельства, как основание для восстановления срока на принятие наследства, проигнорированы законодателем полностью. Для практики это означает, что правоприменитель Беларуси обязан различать категории уважительных причин, заключенных в содержание п. 1 ст. 1072 ГК. Во-первых, это обычные уважительные причины, наличие и уважительность которых обязан доказать истец, ходатайствующий о восстановлении срока (обычный порядок доказывания, согласно которому каждая сторона должна обосновать те обстоятельства, на которые она ссылается). Вторая категория причин, которые могут быть основанием заявленного иска, – это «не знал и не должен был знать». Здесь действует специальный порядок доказывания, при котором истец заявляет об извинительном незнании и доводит до суда обстоятельства этого незнания, а ответчик опровергает это утверждение истца. Если суд находит, что ответчик не справился со своим бременем доказывания, суд вправе признать его недобросовестно действовавшим лицом. В то же время правоприменитель Республики Казахстан не обязан различать причины с вычлениением обстоятельств субъективной добросовестности и споры по данной норме рассматривает по одному алгоритму с общепринятым стандартом доказывания.

Российский законодатель заложил в п. 1 ст. 1155 ГК РФ две категории причин. Одна из них связана с обстоятельствами субъективного незнания, которые могут составить самостоятельное основание заявленного иска. Однако вопреки требованиям закона о том, что на стадии подготовки дела к судебному разбирательству суд обязан осуществить юридическую квалификацию спорного право-

¹ Гражданский кодекс Республики Беларусь (принят Палатой представителей 28 октября 1998 г.) // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. 2018. № 2/2589.

² Гражданский кодекс Республики Казахстан (Особенная часть) (принят Парламентом Республики Казахстан 1 июля 1998 г.) // Ведомости Парламента Республики Казахстан. 1999. № 16-17. Ст. 642.

отношения для определения того, какие нормы права подлежат применению при разрешении спора (ст. 148 ГПК РФ), суды, как правило, не видят здесь особенностей, что может привести к неверному распределению бремени доказывания и, как следствие, к отказу в иске при наличии оснований для его удовлетворения.

В решениях в пользу неосведомленного наследника суды, как правило, ссылаются на «фактические обстоятельства дела» (апелляционные определения Самарского областного суда от 7 октября 2015 г. № 33-11140/2015, Московского городского суда от 12 декабря 2016 г. по делу № 33-44879/2016).

Подобная неочевидная практика объясняется смешением (по смыслу и назначению) сроков исковой давности, где уважительность причины стоит во главе, с материально-правовым сроком – сроком на принятие наследства; неверным определением основания заявленного иска; ошибками в прочтении п. 1 ст. 1155 ГК РФ, где законодатель употребил разделительный союз «или» между оборотом «не знал и не должен был знать».

Надо признать, что на практике нет большого числа споров, основанием заявленного иска по которым является именно факт извинительного незнания. В абсолютном большинстве случаев истцы указывают в качестве основания иска именно уважительные причины. Это та самая достаточно многочисленная категория дел, где работают общие правила доказывания, заключенные в стандартную формулу о том, что истец обязан доказать те обстоятельства, на которые он ссылается, а ответчик – доказать обстоятельства своих возражений, если иное не предусмотрено законом (ст. 56 ГПК РФ).

В рассматриваемом нами случае иное установлено законом в отношении обстоятельств извинительного незнания. И это иное связано с распределением бремени доказывания сторон: сторона, ссылающаяся на извинительную неосведомленность, приводит те факты, которые стали причиной неосведомленности, а вторая сторона обязана опровергнуть их. По итогам суду, имеющему право ставить вопрос о добросовестности поведения сторон спора в рамках материального правоотношения, надлежит установить, есть ли в действиях каждой стороны признаки недобросовестного поведения, т.е. неразумного и неосмотрительного. От этого зависит судьба иска, заявленного истцом по основанию извинительной недобросовестности.

Отметим, что судебная практика по наследственным делам неактивно обращается к обороту «не знал и не должен был знать», закрепленному в п. 1 ст. 1155 ГК РФ. Верховный Суд РФ ограничился текстом постановления Пленума от 29 мая 2012 г. № 9 «О судебной практике по делам о наследовании»¹, принятого еще до реформы гражданского законодательства, в котором обстоятельства извинительного незнания не получили ни развития, ни ясности, поскольку п. 1 ст. 1155 ГК РФ оказался просто продублированным в нем.

Сегодняшнее изменение контекста нормативного окружения этой нормы судов по факту также не коснулось. Как следствие, многочисленные иски опоздавших

¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 7.

наследников, которые оказались фактически обманутыми, поскольку стали осведомленными позднее, рассматриваются по известному алгоритму поиска уважительных причин пропуска ими срока. Если же в поле зрения суда попадает такая особая уважительная причина, как «не знал и не должен был знать», то суды, как правило, используют все тот же алгоритм доказывания, требуя от извинительно не знавших истцов доказать упомянутые обстоятельства, зачастую не принимая во внимание новелл, отраженных в постановлении.

4. Заключение

Извинительное незнание можно признать самостоятельным основанием для гражданско-правового спора, поскольку существует субъективная добросовестность, под которой следует понимать не фактическое состояние лица, а нормативное. Право защищает неосведомленное лицо, не только признавая это состояние основанием для защиты, но и перераспределяя бремя доказывания по таким спорам. Признание незнания оправданным является прерогативой судов, которые с учетом реформирования указанной сферы должны истолковывать нормы ГК РФ «в системной взаимосвязи с основными началами гражданского законодательства, закрепленными в статье 1 ГК РФ», меняя практику применения и стандарты доказывания, которые сложились в период применения прежней редакции ГК РФ.

Список использованной литературы

Александров А.А. Судебное доказывание: справочник по гражданскому процессу // <http://www.ptilaw.ru/public/35/8>.

Бевзенко Р.С. Тенденции судебной практики разрешения споров, связанных с первоначальным возникновением права собственности на недвижимое имущество // Закон. 2008. № 3. С. 29–41.

Берлин А.Я. Критерий добросовестности в судебной практике в свете п. 1 постановления № 25 // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2016. № 1. С. 54–62.

Валеев Д.Х. Система процессуальных гарантий прав граждан и организаций в исполнительном производстве: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Екатеринбург, 2009. 52 с.

Виниченко Ю.В. О презумпции добросовестности в гражданском праве // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2018. Т. 160. Кн. 2. С. 285–300.

Голубцов В.Г. Субъективная добросовестность в структуре общего понятия добросовестности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. Вып. 45. С. 490–518.

Доказательства и доказывание в судебном процессе: судебная практика / сост. Л.В. Тихомирова. 2 изд., доп. и перераб. М.: Изд. Тихомирова М.Ю., 2013. 190 с.

Латинские юридические изречения / сост. Е.И. Темнов. М.: Право и закон; Экзамен, 2003. 381 с.

Нам К.В. Принцип добросовестности: развитие, система, проблемы теории и практики. М.: Статут, 2019. 278 с.

Научно-практический комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой (постатейный) / под ред. В.П. Мозолина, М.Н. Малевой. М.: НОРМА, 2004. 848 с.

Новицкий И.Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права // Вестник гражданского права. 2006. № 1. С. 124–181.

Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части второй: в 3 т. Т. 3 / под ред. П.В. Крашенинникова. М.: Статут, 2011. 574 с.

Рыженков А.А. Принцип добросовестности в обновленном гражданском законодательстве // Пробелы в российском законодательстве. 2013. № 3. С. 68–71.

Справочник по доказыванию в гражданском судопроизводстве / под ред. И.В. Решетниковой. 5-е изд., доп. и перераб. М.: НОРМА; ИНФРА-М, 2011. 496 с.

Сулейменов М.К. Добросовестность в гражданском праве: проблемы теории и практики // Добросовестность в гражданском праве: материалы Междунар. науч.-практ. конф. в рамках ежегод. цивилистических чтений, посвящен. 20-летию Гражданского кодекса Республики Казахстан (Алматы, 22–23 мая 2014 г.) / отв. ред. М.К. Сулейменов. Алматы, 2014. С. 10–25.

Супрун В.В. О понятии неинформированности в гражданском праве // Северо-Кавказский юридический вестник. 2009. № 3. С. 62–65.

Трунин А.А. Добросовестность как предпонимание (на примере толкования договора) // Правоведение. 2015. № 4. С. 109–110.

Фогельсон Ю.Б. Принцип добросовестности в российской судебной практике // Вестник экономического правосудия РФ. 2017. № 9. С. 104–115.

Ширвиндт А.М. Принцип добросовестности в ГК РФ и сравнительное правоведение // *Aegumnis ius*. От друзей и коллег к 50-летию профессора Д.В. Дождева / отв. ред. А.М. Ширвиндт. М.: Статут, 2014. С. 203–242.

References

Aleksandrov A.A. *Sudebnoe dokazyvanie: spravochnik po grazhdanskomu protsessu* [Forensic Evidence: A Guide to Civil Procedure]. URL: <http://www.ptilaw.ru/public/35/8>. (In Russ.)

Berlin A.Ia. *Kriterii dobrosovestnosti v sudebnoi praktike v svete p. 1 postanovleniia № 25* [The Criterion of Good Faith in Judicial Practice in the Light of Paragraph 1 of Resolution No. 25]. *Vestnik Arbitrazhnogo suda Moskovskogo okruga – Herald of the Arbitration Court of the Moscow District*, 2016, no. 1, pp. 54–62. (In Russ.)

Bevzenko R.S. *Tendentsii sudebnoi praktiki razresheniia sporov, sviazannykh s pervonachal'nym vzniknoveniem prava sobstvennosti na nedvizhimoe imushchestvo* [Trends in Judicial Practice for Resolving Disputes Related to the Initial Emergence of Ownership of Real Estate]. *Zakon – Law*, 2008, no. 3, pp. 29–41. (In Russ.)

Fogelson Iu.B. *Printsip dobrosovestnosti v rossiiskoi sudebnoi praktike* [The Principle of Good Faith in Russian Judicial Practice]. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiia RF – Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation*, 2017, no. 9, pp. 104–115. (In Russ.)

Golubtsov V.G. *Sub'ektivnaia dobrosovestnost' v strukture obshchego poniatia dobrosovestnosti* [Subjective Conscientiousness in the Structure of the General Concept of Conscientiousness]. *Vestnik Permskogo universiteta. Iuridicheskie nauki – Herald of Perm University. Legal Sciences*, 2019, iss. 45, pp. 490–518. (In Russ.)

Krashennikov P.V. (ed.). *Postateinyi kommentarii k Grazhdanskomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii, chasti vtoroi: v 3 t. T. 3* [Article-by-Article Commentary to the Civil Code of the Russian Federation, Part Two. In 3 vols. Vol. 3]. Moscow: Statut, 2011. 574 p. (In Russ.)

Mozolin V.P., Maleina M.N. (eds.). *Nauchno-prakticheskii kommentarii k Grazhdanskomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii, chasti pervoi (postateinyi)* [Scientific and Practical Commentary on the Civil Code of the Russian Federation, Part One (Article-by-Article)]. Moscow: Norma, 2004. 848 p. (In Russ.)

Nam K.V. *Printsip dobrosovestnosti: razvitie, sistema, problemy teorii i praktiki* [The Principle of Conscientiousness: Development, System, Problems of Theory and Practice]. Moscow: Statut, 2019. 278 p. (In Russ.)

Novitskii I.B. *Printsip dobroy sovesti v proekte obiazatel'stvennogo prava* [The Principle of Good Conscience in the Draft Law of Obligations]. *Vestnik grazhdanskogo prava – Civil Law Review*, 2006, no. 1, pp. 124–181. (In Russ.)

Reshetnikova I.V. (ed.). *Spravochnik po dokazyvaniu v grazhdanskom sudoproizvodstve* [Handbook of Evidence in Civil Proceedings]. 5th ed. Moscow: Norma; Infra-M, 2011, 496 p. (In Russ.)

Ryzhenkov A.Ia. *Printsip dobrosovestnosti v obnovlennom grazhdanskom zakonodatel'stve* [The Principle of Good Faith in the Updated Civil Legislation]. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve – Gaps in Russian Legislation*, 2013, no. 3, pp. 68–71. (In Russ.)

Shirvindt A.M. *Printsip dobrosovestnosti v GK RF i sravnitel'noe pravovedenie* [The Principle of Good Faith in the Civil Code of the Russian Federation and Comparative Jurisprudence]. In Shirvindt A.M. (ed.). *Aegumnis ius. Ot druzei i kolleg k 50-letiiu professora D.V. Dozhdeva* [Aegumnis ius. From Friends and Colleagues to the 50th Anniversary of Professor D.V. Dozhdev]. Moscow: Statut, 2014, pp. 203–242. (In Russ.)

Suleimenov M.K. *Dobrosovestnost' v grazhdanskom prave: problemy teorii i praktiki* [Conscientiousness in Civil Law: Problems of Theory and Practice]. In Suleimenov M.K. (ed.). *Dobrosovestnost' v grazhdanskom prave: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. v ramkakh ezhegod. tsivilisticheskikh chtenii, posviashchen. 20-letiiu Grazhdanskogo kodeksa Respubliki Kazahstan (Almaty, 22–23 maia 2014 g.)* [Conscientiousness in Civil Law: Materials of the International Scientific-Practical Conference Within the Framework of the Annual Civil Readings, Dedicated to the 20th Anniversary of the Civil Code of the Republic of Kazakhstan (Almaty, 22–23 May 2014)]. Almaty, 2014, pp. 10–25. (In Russ.)

Suprun V.V. *O poniatii ne informirovannosti v grazhdanskom prave* [On the Concept of Lack of Information in Civil Law]. *Severo-Kavkazskii iuridicheskii vestnik – North Caucasian Legal Herald*, 2009, no. 3, pp. 62–65. (In Russ.)

Temnov E.I. (ed.). *Latinskie iuridicheskie izrecheniia* [Latin Legal Sayings]. Moscow: Pravo i zakon; Ekzamen, 2003. 381 p. (In Russ.)

Tikhomirova L.V. (comp.). *Dokazatel'stva i dokazyvanie v sudebnom protsesse: sudebnaia praktika* [Evidence and Proof in Court Proceedings: Case Law]. 2nd ed. Moscow: L.V. Tikhomirova Publ., 2013. 190 p. (In Russ.)

Trunin A.A. *Dobrosovestnost' kak predponimanie (na primere tolkovaniia dogovora)* [Conscientiousness as a Pre-Understanding (for Example, the Interpretation of a Contract)]. *Pravovedenie – Jurisprudence*, 2015, no. 4, pp. 109–110. (In Russ.)

Valeev D.Kh. *Sistema protsessual'nykh garantii prav grazhdan i organizatsii v ispolnitel'nom proizvodstve: avtoref. dis. ... dokt. iurid. nauk* [The System of Procedural Guarantees of Rights of Citizens and Organizations in Enforcement Proceedings: Synopsis of a Thesis for a Doctor Degree in Law Sciences]. Yekaterinburg, 2009. 52 p. (In Russ.)

Vinichenko Iu.V. *O prezumptsii dobrosovestnosti v grazhdanskom prave* [On the Presumption of Good Faith in Civil Law]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Scientific Notes of Kazan University. Humanities Series*, 2018, vol. 160, book 2, pp. 285–300. (In Russ.)

Информация об авторе

Голубцов В.Г. (Пермь, Россия) – доктор юридических наук, заведующий кафедрой предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса Пермского государственного национального исследовательского университета, судья Семнадцатого арбитражного апелляционного суда (614068, г. Пермь, ул. Генкеля, 5, корп. 3; e-mail: vg2009@yandex.ru).

Information about the author

V.G. Golubtsov (Perm, Russia) – Doctor of Legal Sciences, Head of the Department of Business Law, Civil and Arbitration Procedure, Perm State University, Judge, Seventeenth Arbitration Court of Appeal (3, Bldg. 5 Genkel St., Perm, 614068, Russia; e-mail: vg2009@yandex.ru).

Для цитирования

Голубцов В.Г. Судебное доказывание обстоятельств субъективной добросовестности // Вестник гражданского процесса. 2020. Т. 10. № 5. С. 83–100. <https://doi.org/10.24031/2226-0781-2020-10-5-83-100>

Recommended citation

Golubtsov V.G. *Sudebnoe dokazyvanie obstoiatel'stv sub'ektivnoi dobrosovestnosti* [Judicial Evidence of Subjective Integrity]. *Vestnik grazhdanskogo protsesssa – Herald of Civil Procedure*, 2020, vol. 10, no. 5, pp. 83–100. (In Russ.) <https://doi.org/10.24031/2226-0781-2020-10-5-83-100>

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА

Есть ли подведомственность? (Преподавание, наука, практика)

А.Ф. Воронов

13

О «пользе» высшего юридического образования

М.Л. Скуратовский

47

Реализация интеллектуальных прав в качестве предмета залога
(процедурные аспекты)

Л.А. Новоселова, О.С. Гринь

64

Судебное доказывание обстоятельств субъективной добросовестности

В.Г. Голубцов

83

Принудительное исполнение решений третейских судов в России –
случился опасный судебный прецедент

М. Шер, Н.И. Гайдаенко Шер, О.В. Зайцев

101

Типология административного судопроизводства
и пути унификации цивилистического процесса

Н.В. Самсонов

118

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС В КОММЕНТАРИЯХ

Постатейный комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу
Российской Федерации (гл. 28.1)

Е.С. Раздьяконов, И.Н. Тарасов

134

ИСТОРИЯ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА

Заблаговременное (превентивное) признание (отказ в признании)
решений иностранных судов
в соответствии со ст. 24 Гаагской конвенции 1996 г.

М.Л. Шелютто

180

ИНОСТРАННЫЙ ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС

Семидесятилетие законодательства
о гражданском судопроизводстве в КНР

Ван Чжихуа

199

БУДУЩЕЕ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА

Гонорар успеха как способ защиты частных и публичных интересов
в делах об оспаривании нормативных правовых актов и актов,
содержащих разъяснения законодательства и обладающих
нормативными свойствами

А.О. Вифлянецв

212

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ И ПРАКТИКА

...и правосудие для всех

Н.А. Артебякина

231

Особенности определения юрисдикции экологических споров

М.А. Шабалина, Ю.А. Крючкова

248

Судебно-психиатрическая экспертиза в гражданском процессе
в Российской Федерации

Л.М. Миннетдинова, Ф.Ф. Гатин, Э.Ф. Гатин

275

КРИТИКА И РЕЦЕНЗИИ

- Рецензия на монографию С.А. Курочкина
«Эффективность гражданского судопроизводства»
О.Ю. Скворцов
296

PERSONALIA

- 120 лет со дня рождения доктора юридических наук,
профессора Врамшапу Самсоновича Тадевосяна
306
- 85 лет со дня рождения доктора юридических наук,
профессора Мурбека Хаджумаровича Хутыза
308
- 75-летний юбилей доктора юридических наук,
профессора Анатолия Викторовича Цихоцкого
310
- 55-летний юбилей постоянного автора
и члена редакционной коллегии журнала
Айдара Рустэмовича Султанова
312
- Алла Константиновна Сергун (1925–06.10.2020) –
некролог
314
- Татьяна Митрофановна Цепкова (20.05.1945–15.10.2020) –
некролог
316

TABLE OF CONTENTS

PROBLEMS OF CIVIL PROCEDURE

Does a Competence (Not Jurisdiction) Exist Now?

(Teaching, Science, Practice)

A.F. Voronov

14

On the “Benefit” of Higher Legal Education

M.L. Skuratovsky

47

Realization of Intellectual Rights as Collateral (Procedural Aspects)

L.A. Novoselova, O.S. Grin

65

Judicial Evidence of Subjective Integrity

V.G. Golubtsov

84

Compulsory Enforcement of Arbitral Awards in Russia –

A Dangerous Legal Precedent Has Occurred

M. Schaer, N.I. Gaidaenko Schaer, O.V. Zaytsev

102

Typology of Administrative Court Procedure

and Ways of Unification of Civil Procedure

N.V. Samsonov

119

CIVIL PROCEDURE IN COMMENTS

Article-by-Article Commentary to the Arbitration Procedure Code

of the Russian Federation (Chapter 28.1)

E.S. Razdyakonov, I.N. Tarasov

135

HISTORY OF CIVIL PROCEDURE

Advance (Preventive) Recognition (Non-Recognition)
of Foreign Judgments Under Article 24 of the 1996
Hague Convention
M.L. Shelyutto
181

FOREIGN CIVIL PROCEDURE

Seventieth Anniversary of PRC Civil Procedure Legislation
Wan Zhihua
200

THE FUTURE OF CIVIL PROCEDURE

Contingent Fees for Attorneys as a Method of Protecting Private
and Public Interest in Cases of Challenging Normative Legal Acts
and Acts with Normative Properties Containing Explanations
of the Legislation
A.O. Viflyantsev
213

JUDICIAL AUTHORITY AND PRACTICE

...And Justice for All
N.A. Artebyakina
231

Specifics of Establishing Jurisdiction over Environmental Disputes
M.A. Shabalina, Yu.A. Kryuchkova
249

Forensic Psychiatric Examination in Civil Procedure
in the Russian Federation
L.M. Minnetdinova, F.F. Gatin, E.F. Gatin
276

CRITICS AND REVIEWS

Review of the Monograph by S.A. Kurochkin
“The Effectiveness of Civil Proceedings”

O.Yu. Skvortsov

297

PERSONALIA

120 Years from the Birth of Doctor of Legal Sciences,
Professor Vramshap Samsonovich Tadevosyan

306

85 Years from the Birth of Doctor of Legal Sciences,
Professor Murbek Khadzhumarovich Khutyz

308

75 Years Anniversary of the Doctor of Legal Sciences,
Professor Anatoly Viktorovich Tsikhotsky

310

55 Years Anniversary of the Permanent Author and Member
of the Editorial Board of the Magazine
Aydar Rustemovich Sultanov

312

Alla Konstantinovna Sergun (1925–06.10.2020) –
Obituary

314

Tatiana Mitrofanovna Tsepikova (20.05.1945–15.10.2020) –
Obituary

316